

КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

DOI: 10.31857/S032150750019734-9

Оригинальная статья / Original article

Литература как диагноз и как прогноз (творчество магрибинцев XX-XXI столетий)

© Прожогина С.В.^a, 2022

^a Институт востоковедения РАН. Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-8276-0289; svetlana.projogina@mail.ru

Резюме. В недрах колониальной эпохи в качестве национального ответа на французскую колониальную литературу творчество писателей Магриба стало выражением подлинной жизни их стран и свидетельством трансформаций, уже тогда определивших социальные и политические противоречия постколониального времени. Эволюция литературных жанров постоянно побуждала писателей не только к диагностике протестных форм национального самосознания магрибинцев, но и к прогнозированию тех общественных катаклизмов и явлений, к которым, в конечном итоге, и привели радикализация ислама и поступь политического исламизма, а именно - полного забвения народами Магриба идеалов своей борьбы за независимость, растерянности Запада, опасавшегося утратить основы собственной цивилизации.

Литература магрибинцев XX-XXI вв. постоянно свидетельствовала о разнообразных художественных формах, о процессах, свершавшихся в окружающей действительности. Порой эти способы выражения состояния общественного сознания переходили в ностальгические раздумья о прошлом как об Оазисе почерпнутого знания о мире, рождали миражи диалога, не состоявшегося между магрибинцами и французами по причине освободительных войн. Однако иллюзорная миражность переходила в литературу магрибинцев и к созданию таких антиутопий, которые нередко, особенно с 90-х гг. XX в., переходили в реальность угрозы радикального исламизма, ставшую в настоящее время тревожным сигналом на примере свершившегося в Афганистане.

Творчество писателей-магрибинцев, вне зависимости от их проживания на Западе или на Востоке, остается примером в мировом литературном процессе поисков идеалов справедливости и свидетельством переходной эпохи от колониализма к постколониальности и реальным прогнозам даже для будущего.

Ключевые слова: Магриб, литература на французском языке, постколониальные реальности, реализм как диагноз, антиутопия как прогноз

Для цитирования: Прожогина С.В. Литература как диагноз и как прогноз (творчество магрибинцев XX-XXI столетий). *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 4. С. 66-72. DOI: 10.31857/S032150750019734-9

Literature as a diagnosis and as a prognosis (creativity of the people of Maghreb in the XX-XXI centuries)

© Svetlana V. Prozhogina^a, 2022

^a Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-8276-0289; svetlana.projogina@mail.ru

Abstract. From the very beginning, still in the depths of the colonial era, and being a national response to French colonial literature, the poetry and fiction of Maghreb writers became a form of expression of the real life of their countries and a testimony of the social and political transformations that finally led to the social and political contradictions of the post-independence age. The evolution of literary genres has constantly induced writers not only to diagnose the protest forms of the national self-consciousness of the peoples of the Maghreb, but also to predict the social cataclysms and events to which the radicalization of Islam and the tread of political Islamism actually lead,

The Maghreb literature of the XX-XXI centuries constantly testified to various processes of the surrounding reality. Sometimes these forms of expression of the state of public consciousness turned into the nostalgic conceptualization of the past, a past perceived as a kind of an Oasis of acquired Knowledge about the World. These oases also refracted mirages of a dialogue between the Maghreb peoples and the French, which actually did never take place because of the wars of liberation. However, in the Maghreb literature, these illusions sometimes were transformed into dystopias, which especially since the decade of the 1990s turned into premonitions of real threats of radical Islamism.

In the global literary process, the work of the Maghreb writers - regardless of the countries of their residence in the West or in the East - reflects the searching for ideals of justice, remains an evidence of the era of transition from colonialism to post-colonialism, and a source of plausible forecasts for the future.

Keywords: Maghreb, French literature, postcolonial reality, realism as a diagnosis, dystopia as a political forecast

For citation: Svetlana V. Prozhogina. Literature as a diagnosis and as a prognosis (creativity of the people of Maghreb in the XX-XXI centuries). *Asia and Africa today*. 2022. № 4. Pp. 66-72. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750019734-9

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, правильный диагноз зависит от вовремя выявленных симптомов. Во многом справедливое замечание некоторых писателей о том, что их дело - «показывать симптомы болезней общества, а делать выводы будут другие» (Т.Толстая), нуждается в уточнении.

Способы и характер отражения жизни - а литература, по выражению Стендаля, это «зеркало, стоящее на дороге жизни», - бывают таковы, что сами по себе свидетельствуют о причинах состояния того или иного типа или этапа общественного развития. И великая русская, и великая французская, другие мировые литературы были не только «энциклопедией жизни», но и «зеркалом революций» (если вспомнить определения весьма эрудированных ценителей художественного творчества, служившего для полноты знания не только культуры, но и социальных, и даже политических процессов).

«Картина мира» и фиксирующая, и метафоризирующая или даже аллегоризирующая, или символизирующая пространство окружающей действительности в литературных текстах давала и дает возможности обнаружения и причин, и истоков, и характера развития общественных процессов, поскольку, и это никто, надеюсь, не станет отрицать, литература - это своеобразный пульс общественного сознания: и степени его спокойствия, и степени его протеста, и даже степени возможности его пределов существования в окружающем мире.

Таковой литература была издревле и в формах мифотворчества, и эпических, и сказочных, и басенных, и в лирике, и в поэзии, и в драматургии, и в реалистическом, и в фантазийном «формате». Эпохи Возрождения и Просвещения, Нового и Новейшего времени, и текущей современности - не исключения.

И если сегодня в одном из престижнейших колледжей Оксфорда у претендентов на магистерскую степень одним из «каверзных» вопросов является тот, где спрашивается: «Что содержит больше информации - история или литература?» - то это не случайно. А абитуриенты чаще всего теряются или затрудняются ответить. По причинам различным - либо плохо знают историю, либо литературу.

Идеально, конечно, и то, и другое, и еще многое из той обширной сферы знания, которое вообще называется искусством. Слова и кисти, перо и клавиши компьютеров - только техники воплощения всего того, на что способно человеческое сознание запечатлевать в образах, порожденных, так или иначе, «хроникой» либо текущих, либо случившихся событий Жизни.

ЧТО НАДО ЗНАТЬ О ЛИТЕРАТУРЕ СТРАН МАГРИБА

Информационное поле литературы только одной западной оконечности Северной Африки, т.е. Магриба, достаточно известно и обработано исследователями процессов развития художественного сознания алжирцев, марокканцев и тунисцев и в колониальную, и в постколониальную эпоху. Вплоть до наших дней. Если в лице некоторых своих представителей литература получила мировое признание и на Востоке, и на Западе (марокканец Т.Бенджеллун переведен, к примеру, на несколько десятков языков), то это подтверждение интереса к той «информации», которая содержится именно в художественных произведениях, где отражен особый взгляд на процессы изменений и трансформаций, происходящих в жизни народов Алжира, Марокко и Туниса.

Опыт пристального изучения такого рода источников знания о жизни Магриба в совокупности с наблюдениями определенных этапов его развития дает некоторые основания считать, что литература магрибинцев (в их собственных странах, во Франции - в среде эмигрантов и иммигрантов, коих уже там несколько миллионов) - это и вполне обоснованный диагноз, а в последнее время - и вполне обоснованный (и даже фактически аргументированный, увы) прогноз общественных и этно-конфессиональных, культурных и политических проблем развития обществ, переживших колониализм, боровшихся за Независимость и распорядившихся своей свободой так, что эхо Прошлого, поступь Настоящего, приметы Будущего, и извечно продолжающийся в этом регионе Средиземноморья вариант «диалога», порой переходящего в «конфликт» цивилизаций Востока и Запада, - нашли свое яркое воплощение в многочисленных книгах писателей Магриба, имеющих, на мой взгляд, право называться тем самым «зеркалом жизни»¹.

И здесь надо бы воздать хвалу журналу «Азия и Африка сегодня», который на протяжении долгих лет - с середины 1960-х гг. вплоть до наших дней, оповещая своих читателей об острых проблемах политики, экономики, социологии, не забывал напоминать и о том, в каком состоянии находится культура стран ог-

¹ Обширная библиография и анализ литературы магрибинцев содержатся в наших работах: «Современная литература Марокко и Туниса». М., 1968; «Франкоязычные писатели стран Магриба». М., 1980; «Восток на Западе». М., 2003; «Магрибинский роман». М., 2007; «Вошедшие в храм Свободы». М., 2009; «Новые идентичности». М., 2012; «Время не жить и время не умирать». М., 2021.

ромного региона, где есть и свое искусство, и свои ремесла, и свой потенциал художественного освоения этого пространства мира.

...Когда-то великий арабский историк Ибн-Халдун писал, что только путем «тщательного изучения и большого старания можно познать истину». Это - безусловно. Хотя донести ее до человечества - в этом тоже историк был прав, - «бывает трудно».

Но если историкам приходится преодолевать эти трудности и по сей день в жарких спорах, то и истине, явленной в художественном обличье, бывает не легче, - в запретах на нее, а порой и невозможности преодолеть трудности изданий своих текстов писателями. Если История, по известной цитате, «повторяется дважды - один раз как трагедия, а другой раз - как фарс» (Гегель), то литературный процесс - и на Западе, и на Востоке - непрерывная цепь свершения, можно сказать, подвигов во имя возможности «взять слово» (выражение марокканца Т.Бенджеллуна) - преодоления всякого рода запретов, терзаний, сомнений, оков старых традиций в поисках новых форм выражения, непризнания современников или наоборот - превращения в «массовое» искусство и т.д. и т.д. (примеров не счесть в истории всей мировой прозе, поэзии, драматургии). Миропорядок зависимости творца и от «тиранов», и от «толпы» (Пушкин), как это не кажется странным, вездесущ.

«ЧТО ДОЛЖЕН НОЧИ ДЕНЬ»?

Это слова алжирца Ясмینی Хадры, поставленные им в названии своего знаменитого романа [1]. Под «ночью» здесь подразумевается, естественно, прошлое, колониальная история страны (когда-то политический деятель и публицист Ферхат Аббас именно так и назвал свою книгу - «Колониальная ночь», 1964), имея в виду «завесу мрака» зависимости, опустившегося над Алжиром, к примеру, на долгие 130 лет). А слово «День» у современного алжирца звучит как «рассвет новой жизни», наступившей после завоевания страной свободы от Франции.

Эту «рассветную зарю» ждали многие - не только народы Магриба в своих национально-освободительных движениях и войнах, но и поэты и писатели-магрибинцы. В 50-х гг. XX в. это ожидание Нового дня достигло своего апогея. Марокко и Тунис освободились от протектората в 1956 г., а Алжир стал независимым в 1962 г.

Однако и само ожидание Нового дня в своей истории, и само осмысление своего Будущего как возможности жить не в тисках рабства, а в горизонтах Свободы и даже Равенства, и даже Братства, само выражение этого предвестия и надежды на возможность пришествия Нового Дня, как это ни парадоксально, но зародились именно в «Ночи». То есть в ней - в эпоху колониализма - «созрел тот тип и нового общественного, и нового художественного сознания, которыми был отмечен приход североафриканских писателей-магрибинцев в мировую литературу XX в.²

Когда я говорю о «новом типе» художественного сознания, то, конечно, имею в виду, прежде всего, франкоязычную литературу магрибинцев, которая созрела и эволюционировала еще в недрах колониального общества, была своеобразным и необычным «продуктом» колониальной эпохи, противоречившим самому духу «колониальной» литературы, резко отличавшимся и от собственной, долго сохранявшей средневековый тип в арабской культурной традиции и словесности.

Необычность этого явления, а точнее - его особая самобытность, резко отличавшаяся от уже вполне зрелых традиций собственно колониальной литературы, главное - французской, заключалась в том, что все попытки политики «аккультурации автохтонов», даже самые, порой, искренние заботы «французских учителей» и наставников, таких, как Л.Бертран, Р.Арно, Э.Роблес и мн. др., привели к тому, что «местные» писатели, освоившие французский язык в школах европейских поселенцев в Магрибе и в их высших учебных заведениях, обратились, прежде всего, к защите «самосущности» магрибинцев, их давно обозначившейся необходимости сказать и рассказать «о себе», своими собственными устами и своим пером о подлинной жизни своих народов.

Отвернувшись от традиции колониальной экзальтации или сентиментального «покровительства» и обратившись поначалу к реалистическому бытописанию, а позднее и социально-критическому исследованию проблем своего общества, к выражению его и забот и надежд, связанных с будущим его развитием. Они использовали те традиции мировой культуры (и французской в том числе, которые учили Правде).

«Малая» и «большая» проза, поэзия (вобравшая в себя опыт французской поэзии эпохи Сопротивления) и драматургия франкоязычных магрибинских писателей постепенно оформилась уже к 60-м гг. XX в. в особую систему новой национальной словесности, опиравшейся на достижения мировой литературы и на

² Когда я пишу о «мировой литературе», имею в виду не отдельные образцы, заслуживающие особого внимания и почитания, «мировой славы» как таковой, но именно всемирный литературный процесс как развитие и эволюцию самой литературы.

ценности собственной, арабо-берберской цивилизации, где свято оберегались «заветы предков» отстаивать свою свободу и независимость.

Сейчас невозможно при изучении новой и новейшей истории, где очевидно пролег рубеж и эпох, и культур, обойтись без тех произведений, в которых был запечатлен смысл и дух перехода от колониальной зависимости (в любых ее формах) к независимому развитию новых национальных государств. Алжирцы Д.Дебеш, А.Джебар, А.Греки, М.Ферауна, М.Маммери, М.Хаддада, М.Диба, марокканцы Д.Шрайби, А.Сефриуйи, М.А.Лахбаби, тунисец А.Мемми навсегда оставили в своих произведениях неизгладимый след знания своей эпохи, ее характера, ее нерасторжимой связи с прошлым и с будущим своих народов.

Да, они, как и многочисленные другие их соотечественники-писатели, по сей день были и остаются «по-культурными», многоязычными (по этническому происхождению, по образованию), пишут по-французски и по-арабски, многие говорят и по-берберски, но однозначно выражают основные тенденции, противоречия, сложности и трудности своей эпохи, даже религиозные и межэтнические разногласия (Ж.Амруш, М.Таос, А.Мемми, Р.Буджедра, Р.Мимуни и мн. др.). Их свидетельства - бесценны.

Эпоха пробуждения национального самосознания, когда французский язык послужил прозаикам, поэтам и драматургам в Магрибе «оружием, выхваченным из рук врага» (Катяб Ясин), оставила образцы этапов взлета этого самосознания и попытки удержания его накала во время долгой войны за независимость в Алжире. А эпоха «утраченных иллюзий» и надежд, эпоха померкнувших лучей Солнца Свободы там, где уже начиналась постколониальное развитие, и новая реальность диктовала и подсказывала художнику новые формы самовыражения, оставила нестираемые от горечи разного рода «прозрений» следы груза новых трудностей и новых противоречий другого времени магрибинской истории.

Новые книги «классиков» - Д.Шрайби, М.Диба, М.Маммери и А. Мемми - стали «прощанием с прошлым», где зарождались и гибли надежды их героев, а произведения новой писательской волны эпохи 70-80-х и начала 90-х XX в., особенно в Марокко и в Алжире, становились почти документальной прозой, несущей в себе заряд нового осмысления эпохи и потенциал огромных художественных возможностей ее запечатления. Здесь и имена Р.Буджедры, Т.Бенджеллуна, А.Серхана, М.Тили, М.Хайреддина и магрибинцев, без произведений которых невозможно объективно оценить и итоги, и обретения новой эпохи и утраты многих идеалов борьбы за независимость.

В их книгах - не только особая «хроника» повседневности, но и концепция возможностей оценки или даже переоценки прошлого и настоящего в своих странах. А в книгах, созданных уже на исходе XX в. - в первом десятилетии XXI, да и совсем недавно - и прогнозирование возможностей будущего и Востока, и Запада (М.Диба, Я.Хадра, А.Джебар, Б.Сансаль и др.).

Сопровитления Прошлому, как и тому Настоящему, где остались как и оковы духовного и социального угнетения, как появились и выросли приметы и признаки нового гнета - бездуховности, цивилизации «туризма», неокOLONиализма Запада, «коррумпированного» Власть, разрушающего основы культурной самобытности и «разъедающего» общество, вовлекающего его в сети нового рабства обещаниями «технологического рая» и обольщающего своим пониманием свободы как вседозволенности, приводит и «старых мастеров», и новое поколение магрибинских писателей к новому осмыслению и воплощению картины мира, их окружающего.

«ЧТО ДОЛЖЕН МИРАЖ ОАЗИСУ»

В названии и этого раздела - слова алжирца Ясины Хадры в заголовке его очередного романа (2015) [2], выбранные мной неслучайно.

На исходе 80-х - начале 90-х гг. XX в. уже практически все магрибинские писатели (достойные этого предназначения) зафиксировали, в разных способах и формах выразили, запечатлели в поэзии, прозе, драматургии, новеллистике приметы самобытности своих стран, необходимость обретения Независимости как самосущности, понимаемых как Освобождение от догм «старого мира» и симптомов «болезней» того нового, который настал, в общем-то, поставив диагнозы и колониальной, и постколониальной эпохе.

Не все из них спокойно, мудро и иронично отражали жизнь, ее реальность в недавнем прошлом и текущем настоящем времени (М.Диба, Д.Шрайби, А.Мемми, А.Сефриуйи, Т.Бенджеллун и др.). Были и отчаянные бунтари, «мятежники духа» - повстанцы, как сказал бы А.Камю, неистово отвергавшие всё Прошлое и свершившееся после Независимости, клеймили виновных и, порой, напрямую обвинявшие их в своих страстных повествованиях (марокканец М.Хайреддин или, к примеру, алжирец Р.Мимуни).

Были и другие, которые в процессе эволюции своего художественного творчества постепенно обращались к «миражам» того мира, где было возможно - в школах европейцев и в их библиотеках - обретение Знания. К тем «Оазисам» утраченного счастья, когда приходило понимание Жизни мира, условий челове-

ческого существования своих народов и других, когда возникала надежда на обретение и на возможность сохранения неких идеалов, доставшихся от «заветов предков» и усвоенных в «новой школе».

Хранителей этого знания было немало и среди учителей, и в недрах книг великих французских гуманистов, мечтавших о Свободе и Гармонии в миропорядке и среди своих «стариков», в их памяти. Естественно, что в этом Оазисе Знания постигались история своих народов и те основы «нового мышления», которые позволяли и сомнения, и резкий критицизм социальной и политической несправедливости, и даже мудрость сравнений и сопоставлений реальности Востока и Запада, и даже иллюзии слияния «горячих песков» родной Пустыни и «мрамора снегов» холодной чужбины (М.Тлили, Я.Хадра, М.Диб).

Да и «повстанчество» М.Хайреддина и отчаяние Р.Мимуни, полные смятения и горечи поиски причин бесконечной цепи исторических конфликтов книги Р.Буджедры во всех «временах и пространствах» - у себя на родине в Алжире - и во Франции, - как и грустная ирония (после почти беспощадности раннего социального критицизма) марокканца Д.Шрайби, поведавшего в своих последних книгах (конца 90-х - начала 2000-х гг.) как бы в манере «смеха сквозь слезы» (Беранже) о процессах превращения «светских реформ» в декорации разъединенного всеторжествующей коррупции и беспределом новой чиновничьей бюрократии своего родного Марокко (где ранние его книги были запрещены, а поздние - пользовались, наоборот, популярностью), - разве все эти способы «подачи сигналов» о «порядке» или «беспорядке вещей» (Р.Буджедра) в родных обществах - не усвоены в Оазисе Знания?

И разве исполненные тоской и даже яростью книги о «предательстве заветов предков», повелевших «хранить родную землю», об утрате «талисманов» Жизни и Свободы, о разрушительных процессах «модернизации» как искоренения самобытности (тунисцы А.Меддеб, Т.Бекри, М.Тлили, алжирцы М.Диб, М.Тенгур и др.) - не плод сравнения Оазисов Знания с наступлением «песков Новой Пустыни», которые сокроют и сотрут с лица земли и сами Оазисы, и все «человеческое» [3].

Но порой и наследники великих гуманистов - магрибинские литераторы - профессиональные социологи и их талантливые соотечественники, по профессии - «естествоиспытатели», как, к примеру, физик Б.Сансаль, химик Д.Шрайби или врач по образованию М.Моккедем, не только поставят диагноз новейшим переменам в истории своих народов как «забвение идеалов поисков Свободы» (см. романы М.Моккедем³), но и печальным явлениям в современной истории Франции, где, как и во многих странах Востока, нарастают тенденции развития радикального исламизма, приводящего к террору, но и дается смелое, диагностическое их определение.

Алжирец Б.Сансаль его сформулировал как «неофашизм» (роман «Деревня немца», 2008) [4].

ЗА ПРЕДЕЛАМИ РЕАЛИЗМА И РОМАНТИЗМА

Можно было бы сказать, что историческая обусловленность литературы франкоязычных магрибинцев повлекла за собой и формирование в ней тех художественных методов, направлений, жанров, стилей, которые, в основном, присущи западному искусству слова, да и другим художественным явлениям.

Но при этом надо отметить, что каждый из писателей-магрибинцев (впрочем, как и всякий другой «рисующий жизнь» творец), так или иначе, делает это и согласно не только с условиями своего воспитания в той или иной среде обитания, и согласно с возможностями своего образования, но и с невозможностью оторваться от основной проблемы своего творчества, в которой, прежде всего, ощущается «зов родных корней» (выражение марокканского писателя Т.Бенджеллуна), связанность с родной землей, с ее историей, с ее настоящим, с ее традициями, с заботами о ее будущем. Без этого невозможно просто расположить того или иного художника в русле принадлежности к той или иной культуре. Если где-то и случается нечто вполне абстрактно-космополитическое и просто как бы «общечеловеческое», понимаемое, порой, в пределах уже космогонических «фэнтези», не обусловленное ни временем, ни пространством, повлиявших на того или иного писателя или художника.

Вернувшись в литературное пространство магрибинцев, мы не могли не отметить и скрупулезное, почти этнографическое бытописание этапа борьбы за независимость, и социальный реализм, уже очевидный в творчестве писателей и 50-х, и 60-х, и 70-х гг. XX века. Это особый наказ романтизма эпохи пробуждения национального самосознания и романтическая героизация тех лет, когда уже слегка «подзабылись» герои, боровшиеся за Свободу; острый социально-политический критицизм постколониального времени; пафос вполне реального развенчания происходящего в условиях политики «тотальной арабизации культуры» в полиэтнических странах Магриба, когда закрывалась в Алжире в Университете кафедра берберологии. Писатели - берберы по происхождению повсюду в Магрибе - в защиту своей культуры создавали весьма внушительные зарисовки жизни своего народа и литературные параллелизмы с истреблением индейцев в

³ О ее творчестве см. в нашей работе «Магрибинки рассказывают...».

Америке, да и иллюзорно-романтические надежды на «омовение старой земли некоей морской, «соленой стихией», разъедающей «цепи всякого рабства» [5].

А когда шло наступление эпохи «передела Власти» в уже независимых странах, создавались и народные эпосы, и романы о национально-освободительном движении в Магрибе и войне новой, гражданской, в Алжире уже в 1990-х гг., или даже метафорические ее фрески, «по живому»⁴, почти документально засвидетельствованному во многих художественных произведениях. Всё это - итоги глубокой связи писателей-магрибинцев с родной землей. Как и яркая их социально-политическая публицистика, проблемно порой воплощенная и в художественные произведения о жизни своих соотечественников на Западе. Или как сегодня уже просто необходимая многим «читателям» публицистика - и историко-политическая, историко-религиозная, представленная в творчестве таких крупных прозаиков, как тунисцы А.Мемми и А.Меддеб, неустанно свидетельствовавших и о психологической «трансформации» личности бывших колонизованных [6].

Но если некоторые современные писатели еще как-то пытаются совместить свои идеалы с почти исчезнувшими «Оазисами» идеалов на родной земле, то другие всё еще ностальгируют по реальным, родным оазисам, где-то в глубинке родной земли, на краю пустыни, спасавшими юношеские воображение и надежды увидеть **всю** свою землю «цветущим садом», где сбылись все идеалы, где возможно хотя бы временное избавление от Пустыни разочарований и утрат иллюзий, вернувшись в них.

Есть немало и тех писателей, которые безжалостно дегероизируют и демифологизируют Прошлое своих стран, представляя его в образах постоянного «обездоливания», «отнятия» жизни у народа, насилия Запада, временем, исполненным угнетения, засилья патриархальных традиций и обреченностью на рабство женщин-мусульманок [7].

Конечно, и здесь, как и во всяком художественном произведении, не обходится без вымысла и гиперболизации, без глубинной тоски - «ностальгии по настоящему», - но не случайно, что именно современная, сегодняшняя история, реальность окружающего почти заставляет художников подойти к пределам, за которыми возможны уже не диагнозы, но прогнозы будущего развития и Востока, и Запада.

И книги Буалема Сансая последних лет [8] - это уже очевидные «антиутопии», которые, однако и увы, основаны не на вымысле, но на фактах реальности. А это, безусловно, необходимо для прогнозирования будущего общественного и политического развития в мире.

О фактах на Западе, где, порой, случались странные события, касающиеся североафриканских эмигрантов, фиксируемые повсюду СМИ и отраженные в творчестве магрибинских писателей, уже начиная с середины 50-х и, особенно, в 70-х гг. XX в. (Д.Шрайби, Т.Бенджеллун, Р.Буджедра) [9], знали, к примеру, об «особенностях французского гостеприимства» или, позднее, «изъянах» попытки интеграции мигрантов.

Очевидно, что симптомы и даже диагнозы «внутренних болезней» Французской Республики были недостаточно учтены как уроки, грозящие другой бедой - возможностью превращения особой формы расизма в террор радикализующегося исламизма. В книге Б.Сансая, вышедшей в 2018 г. («Поезд из Эрлингена») [10], есть своеобразное эхо тех событий, которые были отражены еще в книге 1975 г. Р.Буджедра «Идеальная топография для характерной агрессии» (пер. на русск. яз. в 1980 г.). Только сегодня - всё наоборот: тогда фашиствующие молодчики напали в метро на несчастного сбившегося с пути араба-эмигранта и убили его велосипедной цепью за «назойливые» расспросы о том, куда и «как ему добраться». Это был факт документальной хроники. Но и сегодня засвидетельствовано «нападение» в метро. Только это уже - другое. Попытка сбросить под поезд в метро несколькими североафриканцами пожилую европейку, попросившую их уступить ей место в вагоне этого поезда.

Факт, отраженный и в СМИ, и в упомянутой выше книге Б.Сансая из уже ставшей, увы, привычной хроники текущей реальности Франции, где особенно усилились вспышки разного рода исламского терроризма (вплоть до взрыва в 2021 г. бомбы в соборе Ниццы). Но этот факт превращен писателем в **прогноз** психологического состояния постоянного напряжения, в котором живут европейцы (повествование писателя продолжено и о Германии), состояния постоянного ожидания «исламской угрозы», «нашествия исламистов».

Но о прогностическом характере творчества алжирского писателя последних лет можно было бы говорить не столь уверенно, если бы те недавние события в Афганистане в августе 2021, которые позволяют сделать такие выводы. Ведь в романе Б. Сансая, названном «2084» [11], была запечатлена в форме «антиутопии» уже свершившаяся власть радикализованной до крайностей средневекового мракобесия той религии, которая «Во имя Бога Всемогущего» лишает людей нормальной жизни, закрывает школы, заставляет забыть все «дороги прогресса», существовавшие в прошлом, и даже замкнуть народ в круге нищеты и голода. Конечно, есть и другие горизонты осмысления художниками проблем современного состояния мироустройства и на Востоке, и на Западе, где уже, так или иначе, но сосуществуют разные народы и религии, и где в душах многих людей живет надежда на то, что поликультурность - это богатство. Это ярко запечат-

⁴ См. подр. наши работы: Смятение, М., 20113; «Алжирская сюита». М., 2014.

лели в своем творчестве алжирцы по происхождению, или живущие в Алжире писатели, такие, как Джюра, А.Бегар, М.Шариф, М.Бей и др. Это доказывают тунисцы Т.Бекри, М.Меддеб.

И марокканец Т.Бенджеллун. Этот всемирно известный писатель, продолжая хранить в душе образ Отчизны, где есть Дом как оплот вечно живых традиций предков, завещавших «охранять родную землю», беспощадно критикуя монархию как источник «отсутствия Света» на этой земле и даже торжества Мрака, подобного каторге [12], покажет и возможности обретения «человеческого согласия» и «примирения», принятия - безусловного, как факт, - таких понятий как самобытность, этно-конфессиональная специфика и другие «различия», сосуществующие в лоне одной земли.

Их, этих различий, стало множество только на одной земле - Франции (да и в Италии, в Германии и т.д., а Россия - издавна многонациональна). Люди просто должны жить. Во имя сохранения общечеловеческой цивилизации [13].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Долгие годы исследования истории и эволюции новой художественной системы в магрибинской словесности, развивающейся вот уже скоро почти столетие и на французском языке, наводит на мысль о том, что она может, как и повсюду в странах постколониальной Африки, позволить себе и некие формы «массовизации» культуры, изменив, к примеру, форму прозы - от романа к новеллистике, более «доступной», более «актуализированной», в малом объеме позволяющей поведать и о личном, и об общественно значимом. Как, к примеру, выбор между «прогрессивной эмансипацией» или стремлением к сохранению Семьи и Дома, живущих в нем традиций и обычаев. (Вспомним одну мудрость: «Традиция - это не поклонение пеплу, а факел, передаваемый из поколения в поколение».)

Но никогда, как свидетельствуют многочисленные источники, литературное франкоязычие магрибинцев, не опускалось ниже градуса той художественности, за пределами которой - только увлекательно-развлекательные «нарративы», где исчезает проблема не только «воспитания» человеческого духа, но и превращение его чувств лишь в потребность «хлеба и зрелищ». Путь нелегкий, но благородный.

REFERENCES

1. Yasmina Khadra. Ce que le jour doit à la nuit. P., 2005.
2. Yasmina Khadra. Ce que le mirage doit à l'Oasis. P., 2018.
3. Meddeb A. Talismano. P., 1987; Tlili M. L'après-midi dans le désert. P., 2008; Bekri T. L'invocation du désert. P., 2019; Dib M. Le désert sans détour. P., 1992; Tengour M. Les chercheurs d'os. P., 1999, и др.
4. Sansal B. Le village d'Allemand. P., 2008.
5. См.: Ben Jelloun T. Hommes sous lincol du silence. P., 1976, и др.
6. Ben Jelloun T. L'hospitalité française. P., 1976; Memmi A. Portrait du décolonisé. P., 2008; Meddeb A. L'exil occidental. P., 2005 и др.
7. См.: Boudjedra. La dépossession. P., 2016; Sensal B. Ru Darwin. P., 2011; Djébar A. Nulle part dans la maison du mon père. P., 2015.
8. Sensal B. 2084, ou la fin du monde. P., 2015. Le train d'Erlinger. P., 2021.
9. Chraïbi D. Les boucs. P., 1956; Boudjedra R. La topographie idéale pour l'agression caractérisée. P., 1975, и др.
10. Sensal B. Le train d'Erlinger. P., 2018.
11. Sensal B. 2084, ou la fin du monde. P., 2015.
12. Ben Jelloun T. Au pays. P., 2009; «Cette aveuglante absence de la lumière. P., 2001.
13. Ben Jelloun T. Les raisins de la galère. P., 1997; «Les yeux baissés. P., 1991; Yasmina Chami. La cérémonie. Rabat, Paris, 1999

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Прохожина Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор, гл.н.с. Отдела сравнительной культурологии, ИВ РАН, Москва, Россия; член Союза писателей России; член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня», Москва, Россия.

Svetlana V. Prozhogina, Dr.Sc. (Philology), Professor, Principal Researcher, Department of Comparative Cultural Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Member, Editorial Board, "Asia and Africa today" journal, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 27.12.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 05.02.2022

Принята к публикации
(Accepted) 10.03.2022